

- А что делает этот козел, Динк?
- Он выкрутил оба крана, а пробкой дырку не заткнул.
- Вот блин! Некоторые так делают — и ничего, живут!
- У нас в ванне вообще нету никакой за-тычки. Она у нас во дворе стоит, а воду в нее нужно таскать ведрами из колонки.
- Тебе чего сделать-то надо, Динк?
- Выяснить, сколько времени ванна будет наполняться.
- Да никогда она не наполнится.
- Никогда?
- Он заманается стоять там на холоде и ждать¹.

Финн.

Здравствуйте, мистер Бог, это Анна

И хотя я вот уже много лет наблюдаю за ночным светилом, дабы как нельзя лучше изучить его, я и по сей день не могу без трепета и радости созерцать это волшебное сияние нашего спутника, серебро его кратеров, их полукруглые тени, эти серые равнины, эти расселины и следы разрушений, попадающие в поле зрения телескопа...²

Камиль Фламарион.

Небесные земли: астрономическое путешествие к другим мирам (1884)

¹ Пер. А. Г. Осипова. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

² Пер. Д. А. Жирновой.

Алистер

В 6:32 звонит будильник (с понедельника по пятницу за исключением праздников), но я всегда жду до тридцать четвертой минуты и только потом встаю. Не забываю опустить лунный круг стульчака. Приняв душ, одеваюсь. Мама терпеть не может треники, поэтому я ношу коричневые или черные широкие брюки карго — такие, с вентиляцией на коленях, накладными карманами и девятью процентами эластана в составе.

Я замечаю, что чего-то не хватает, когда в 7:02 иду по коридору на кухню. Кофе не пахнет.

Когда нам привезли новую кофемашину, в упаковке на дне коробки лежало ассорти из ста капсул: «Арпеджио», «Гватемала антигуа», «Хаус бленд люнго»... Я расставил их по цвету на кухонных шкафчиках, на самом верху, заканчивая «Ристретто». Было красиво.

Сейчас остались только золотистые «Воллюто», ненастоящие, купленные в продуктовом. Мама наливает первую чашку в 6:30 и оставляет ее охлаждаться на кухонном столе. Запах разносится по всей квартире — мне нравится, он приятный. Мама делает так всегда, но не сегодня.

— Мам!

Ничего. Я стучу в дверь гостиной, она не отвечает. Я захожу и вижу ее: она как-то странно полусидит-

полулежит в пижаме на неразобранном диване, как забытая кем-то кукла. Ее ночник не горит, а телевизор все еще работает. На экране какой-то мужчина проходит беспроводным пароочистителем «Клин эксперт делюкс» по ковру, на который он вылил стакан апельсинового сока. С беспроводным пароочистителем «Клин эксперт делюкс» чистота с первого применения обеспечена. Мама его уже купила, он стоит в шкафу в коридоре.

— Мам?..

Я подхожу к ней и прикасаюсь к ее щеке. Она мягкая, белая и холодная. Я уже видел такое по телевизору, поэтому иду за зеркальцем, которое лежит в ванной и с помощью которого мы избавляемся от черных точек. Я долго держу его перед маминым ртом. Оно не запотеваает. Мама мертва.

Мои легкие расширяются, и мне становится трудно дышать.

Смерть — это проблема, которая не имеет решения. Иисус и другие исключения только подтверждают правило. Вот что отличает ее от математики, но роднит с грамматикой. У смерти нет решения, но за ней — из-за переменных жизни — может последовать множество уравнений, которые придется решать.

Мама единственная, кто умеет пользоваться кофемашиной. И кто умеет покупать капсулы вместе со всем остальным. И кто знает, куда идти за антибиотиками. Не говоря уже о том, что именно она занимается всеми банковскими вопросами, моими документами, квартплатой и всеми остальными счетами. И котом, когда он еще был жив.

Мама безупречна, чего не скажешь обо мне. Я почти не выхожу из дома из-за слабого здоровья.

Я начинаю задыхаться. Тревога истощает тело, наверное, примерно как подъем по лестнице бегом и без остановок.

Когда я возвращаюсь к себе в комнату, на часах 7:15. Я включаю свои компьютеры и вбиваю в гугл первый запрос за день: «Что делать, если нашел свою маму мертвой в гостиной?»

Nani07 отвечает на форуме «Психологические фишки.ком»: *не парься все придет прост не сразу я вот на похоронах своево папы не плакала но потом плакала как ненормальная не баись все придет кагда ты будеш гатов и тем болии не заставляй sibя нада прост падаждать и все придет само.*

На странице ее профиля сайт «Похоронбюро.ком» советует мне связаться с моим ритуальным агентом, который займется всем необходимым, чтобы констатировать смерть и заявить о ней в соответствующие инстанции, а также организовать погребение или кремацию в зависимости от моего бюджета. Мне останется только поставить близких в известность.

Сообщить близким будет легко. Мама поддерживает связь исключительно по телефону, и то преимущественно со службой точного времени. Меня беспокоит все остальное. Я знаю, что такое погребение: это когда кого-то кладут в гроб, то есть в деревянный ящик, обитый мягкими матрасиками, который потом опускают в вырытую в земле яму и в конце засыпают землей.

Вот только мама боится темноты и начинает паниковать, стоит ей в ней оказаться. Ночью, перед тем как выключить телевизор, она зажигает свой ночник с нарисованным мышкой. Но в гробах розеток нет.

Мама боится не только темноты. Она боится микробов, людей, открытых пространств, войны, моей смерти, ядерных взрывов, массовых беспорядков и огня. Она даже заставила управляющую компанию установить в здании систему пожарной сигнализации, хотя мадам Диас с шестого этажа отказалась за нее платить. Так что о кремации лучше забыть.

Не могу ведь я положить ее в большой ящик для цветов на балконе: там не хватит места, потому что там уже лежит кот. И еще там холодно.

Мне снова становится трудно дышать. Холод напомнил мне о круговороте летних и зимних вещей. Каждое первое сентября мама выгребает из шкафов все вещи, чтобы подготовиться к новому сезону. Она оставляет только трусы, носки и пижамы. Все остальное мы тщательно упаковываем, прежде чем осторожно спустить в подвал и поднять оттуда зимние вещи. Все то же самое, только наоборот, мы проделываем первого марта, хотя весной и осенью на дню восемь погод. Мама всегда говорит, что чехлы для одежды, шарик нафталина и немножко крысиного яда помогают сохранить все в первозданном виде.

Уже лучше, теперь я знаю, что делать. В ванной, на самой верхней полке шкафчика, лежат чехлы для одежды. В самом длинном из них — сто восемьдесят сантиметров, и это просто чудесно, потому что в маме сто шестьдесят два.

Я толкаю маму, а когда она мягко валится в кресло, расправляю расстегнутый пластиковый чехол на диване и расстилаю поверх одеяло и подушку. Снова толкнув маму, я укладываю ее так, чтобы она лежала прямо — это важно из-за спины. У нее частенько болит поясница. Я иду за пакетиками нафталина и размещаю их

у нее на животе, как жилетные пуговицы. Крысиный яд класть необязательно, я не собираюсь спускать маму в подвал. Я укрываю ее двумя краями одеяла и поворачиваю ее голову в сторону. Молния застегивается с тихим приятным звуком.

Пока все хорошо.

В шкафу я отодвигаю в сторону беспроводной парочиститель «Клин эксперт делюкс», чтобы вытащить старый пылесос без функции паровой очистки.

— Я уже иду, мам, подожди еще чуть-чуть!

Трубка пылесоса входит в паз, и, когда я его включаю, пластик вплотную прижимается к маме, делая ее похожей на лежащий в холодильнике бекон в вакуумной упаковке. Я специально оставляю перед ее глазами маленькое окошко.

Пока всё еще в порядке.

А почему диван-книжка так называется? Когда я поднимаю его зеленое велюровое сиденье, он не шелестит, а лишь тихонько скрипит. Мама купила его незадолго до моего рождения, двадцать один год тому назад. Он был надежный, совсем не дешевый — несмотря на то что она купила его на распродаже, — так что вложение должно было окупаться всю оставшуюся жизнь.

В диванном ящике для белья лежат три одеяла. Я разворачиваю их и снова складываю так, чтобы они укрыли дно мягким матрасом. Бельевой ящик дивана — это деревянный каркас, обитый черной тканью. Прежде чем положить туда маму, я наклоняюсь, чтобы убедиться, что ткань просвечивает и сквозь нее виден экран телевизора. Тем временем на экране какая-то женщина наносит горошину уходового крема «Эклер женесс» на уголок глаза. Она улыбается, пока другая женщина в блузке расписывает революционный,

в два раза более мощный эффект, который отличает этот продукт от других в линейке «Эклер». Несмотря на то что крем почти черного цвета, зубы и блузка этой женщины остаются белыми. Просто потрясающе.

Убирая маму на зиму, я приговариваю:

— Не волнуйся, здесь тебе будет хорошо, вот так. Я пока ничего не выключаю, идет? Я выключу, только когда телешопинг закончится, а потом в двенадцать включу тебе «Жизнь прекрасна».

Алистер

Теперь, когда мама в диване, я начинаю сомневаться в том, не сделал ли я глупость. Самую большую глупость я совершил, когда мне было пятнадцать. После десяти лет обучения на дому в Национальном центре дистанционного образования я захотел, чтобы мама отвела меня в школу, а еще захотел научиться кататься на велосипеде и собаку, чтобы ее выгуливать.

Три дня подряд по утрам я маникюрными ножницами состригал щетинки своей зубной щетки. В первый день мама пришла в ярость. На второй она была все еще недовольна. На третий стало тяжелее всего. Она рухнула на пол в ванной так, будто из ее тела вдруг исчезли все кости. Одно только воспоминание о том, что она тогда сказала, будит во мне желание пойти и заняться математикой, чтобы забыть об этом. Она кричала:

— Да что такое? Хочешь найти себе другую мать, да? Я плохая?

Я ничего не ответил, но это не помешало ей продолжить:

— Я кругом виновата! Конечно, ты меня ненавидишь! Я плохая мать, худшая из плохих матерей!

Потом она руками обхватила мои колени, и я с трудом устоял на ногах. Вдобавок ко всему она так сильно плакала, что ее слезы ручьями текли на плитку, и пол ванной превратился в каток. Я не знал, что делать.

Это не самое приятное воспоминание. Она чем-то напоминала зомби из фильмов, которые мне нельзя было смотреть. Но это и кое-чему меня научило: с мамой все нужно делать должным образом. Не стоит ни импровизировать, ни валять дурака.

Именно поэтому так важно было организовать все в связи с ее смертью как можно лучше. Погребение уже сделано — в диване. А насчет всего остального сайт «Похоронбюро.ком» выразился вполне однозначно: нужно сообщить близким о смерти покойной.

Номер говорящих часов — 3699 — записан в телефоне в режиме быстрого набора на цифре два. На цифре один еще стоит номер бабушки с дедушкой, хотя они больше не подходят к телефону с тех пор, как их похоронили. На какой глубине ловит 4G?

На всякий случай я нажимаю цифру один — мало ли.
«Набранный вами номер не обслуживается».

На цифру два тут же откликается служба точного времени.

«Добро пожаловать в нашу службу. Точное время — восемь часов, пятьдесят две минуты и пятнадцать секунд. Бип, бип, бип».

Я жду продолжения, чтобы выяснить, можно ли оставить сообщение после сигнала, но нет, нельзя. Нужно найти другой номер, чтобы сообщить людям из службы точного времени о маминой кончине. В интернете полным-полно других сайтов. Я захожу